

СБОРНИК УНИВЕРСАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ УРОКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Методическое пособие

Владикавказ 2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-ОСЕТИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ К.Л.ХЕТАГУРОВА»

СБОРНИК УНИВЕРСАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ УРОКОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Методическое пособие

Владикавказ 2019

ББК 80

С 33

С 33 Сборник универсальных текстов для уроков русского языка: методическое пособие /Сост.: Бекоева М.Т., Глотова Т.А., Тараева А.К. Сев.-Осет. гос. ун-т. Владикавказ: ИПЦ СОГУ, 2019. – 40 с.

Составители:

Бекоева М.Т., Глотова Т.А., Тараева А.К.

Научный редактор – докт.филол.наук, проф. В.И.Бекоев

Рецензент - доктор филол. наук, проф. Б.В.Кунавин

В методическом пособии собраны тексты из произведений художественной литературы и публицистики. Тексты содержат материал, ориентированный на определённые орфографические правила и пунктограммы. Сборник предназначен для уроков русского языка. Представленные тексты помогут учителям на этапах закрепления и повторения знаний, а также на уроках развития речи.

Утверждено решением научно-методического совета ФГБОУ ВО «СОГУ»

ББК 80

© Издательско-полиграфический центр
Северо-Осетинского государственного
университета имени К.Л. Хетагурова, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Составители рассчитывают на творческий подход учителей к выбору текстов соответственно методической задаче.

Настоящее пособие рассчитано на учителей, работающих в старших классах, в классах гуманитарного направления. Оно может оказаться полезным и для студентов филологического факультета, а также для слушателей подготовительных отделений вузов.

Предлагаемый сборник текстов рекомендуется для учителей русского языка как источник разнообразного дидактического материала.

В сборник включены тексты из произведений русской, русскоязычной осетинской литературы и публицистики.

Содержание

Предисловие	4
Текст 1	5
Текст 2	6
Текст 3	6
Текст 4	7
Текст 5	8
Текст 6	9
Текст 7	10
Текст 8	10
Текст 9	12
Текст 10	13
Текст 11	14
Текст 12	14
Текст 13	15
Текст 14	16
Текст 15	17
Текст 16	18
Текст 17	19
Текст 18	20
Текст 19	21
Текст 20	22
Текст 21	23
Текст 22	24
Текст 23	25
Текст 24	26
Текст 25	26
Текст 26	27
Текст 27	28
Текст 28	28
Текст 29	29
Текст 30	29
Текст 31	30
Текст 32	31
Текст 33	32
Текст 34	33
Ключи к тестам	34

Для повторения и закрепления правил орфографии и пунктуации и выработки навыков грамотного письма учащихся 8-11 классов.

Правописание безударных гласных
(Безударные гласные. Обособленные определения.)

Текст 1

Деревьям тоже больно

Степной человек, я никогда не пил берёзового сока. Наслышанный о его неповторимом вкусе, о его чудодейственной силе, способной пробуждать молодость в теле старого человека, я мечтал при первом же случае попить берёзового сока. Случай представился. Мы шли с приятелем по весеннему подмосковному лесу. День был пасмурный, серый. Вокруг сосны, ели, орешник. В их зарослях ещё темнее, чем на полянах. И вдруг будто солнце выглянуло из облаков. Впереди стало светло. Берёзы! Стояли они высокие, в нежной зелени листьев. Прямые, как свечи, стволы разливали вокруг ровный, спокойный свет. Вот когда я напьюсь сока!

Подходим к одному дереву: шершавая кора берёзы до самой древесины изрублена топором. Дрогнуло сердце. Сколько можно истязать её? Пошли искать другое дерево – и не нашли. Может быть, это не плохо, – добывать березовый сок. Но всё-таки жаль дерева. А попробовать хоть раз в жизни – хочется.

Мы сидели у костра около молодых берёзок. Под берёзками стояли два стакана. Тонкими ручейками стекал в них берёзовый сок. Попробовал из одного стакана – горько. Попробовал из другого – сладкая водица. Отчего так? Знать, характеры разные у этих берёзок. Одна добрая, другая сердитая. Вот и сбылась мечта. Мне больше не надо сока, а он всё течёт и течёт из надрезов. И нет никакой возможности его остановить. Вкусен берёзовый сок, но добывать его больше не буду. Жаль деревья, уж больно по-человечьи они проливают слёзы.

216 слов.

Н. И. Терехов.

Текст 2

(Безударные гласные. Слова с произносимыми согласными.)

Краски и свет в природе надо не столько наблюдать, сколько ими попросту жить. Для искусства годится только тот материал, который завоевал прочное место в сердце.

Живопись важна для прозаика не только тем, что помогает ему увидеть и полюбить краски и свет. Живопись важна ещё и тем, что художник часто замечает то, чего мы

совсем не видим. Только после его картин мы тоже начинаем видеть это и удивляться, что не замечали этого раньше.

Французский художник Моне приехал в Лондон и написал Вестминстерское аббатство. Работал Моне в обыкновенный лондонский туманный день. На картине Моне готические очертания аббатства едва выступают из тумана. Написана картина виртуозно.

Когда картина была выставлена, она произвела смятение среди лондонцев. Они были поражены, что туман у Моне был окрашен в багровый цвет, тогда как всем известно, что туман серый.

Дерзость Моне вызвала сначала возмущение. Но возмущавшиеся, выйдя на лондонские улицы, взгляделись в туман и впервые заметили, что он действительно багровый.

Тотчас начали искать этому объяснение. Согласились на том, что красный оттенок тумана зависит от обилия дыма. Кроме того, этот цвет туману сообщают красные кирпичные лондонские дома. Но как бы там ни было, Моне победил. После его картины все начали видеть лондонский туман таким, каким его увидел художник. Моне даже прозвали «создателем лондонского тумана».

204 слова.

Текст 3

(«и» и «ин» в суффиксах причастий и прилагательных).

Карелия

Летом белые ночи превращают Карелию в страну необыкновенной прелести. В гранитных берегах озёр стоит налитая до краев белая вода. Будто огромные куски фольги впаяны в камень. В этой прозрачной фольге отражается небо с его непотухающей зарёй и мохнатые лапы елей, но очень редко отражаются звезды. Их свет так сладко в эти ночи, что вода не в силах поймать его и чуть-чуть покачать на лёгкой озёрной глади.

Лесной сумрак полон тишины и запаха мхов. Из-под корней сочатся крепкие родники. Вода в них коричневая и холодная. Она пахнет железом. В озёрах, в болотах лежат на дне зёрна железной руды.

В озёрах вода пахнет сосновой корой. Стоит подняться волне – и Онежское озеро тотчас начнёт выбрасывать на берега горы сосновой коры. Пароходы идут по озеру с величайшей осторожностью из-за множества плавающих сосновых брёвен.

Вся карельская суша представляет из себя сплошной массив лесов. Эта страна лесорубов, дровосеков, звонов пил, мощных буксиров, волокущих плоты, лесопильных

заводов, брёвен, досок, тёса, скипидара, канифоли. Запах сосны преследует вас всюду, даже в проносящихся через Карелию вагонах «Полярной стрелы».

В этих лесах, в самой их глубине, путешественника по Карелии поражают светлые и просторные бревенчатые дворцы, построенные нашими и канадскими лесорубами. Карелы – лесорубы сотнями возвращались из Канады в свою страну. В их сердце «тосковала родина». Они привезли с собой канадские пилы, ловкие способы рубки и пилки деревьев.

Бревенчатые дворцы были украшены фризами, вырезанными из дерева. На фризах были северные олени, ели, сцены и Калевалы, и всё это отливало бледным цветом мёда, едва заметной полировкой, проложенной по дереву.

К. Паустовский

244 слов.

Текст 4

(«и» и «ин» в суффиксах причастий и прилагательных. Сравнительные обороты).

Заколдованный край

Мы сошли поздней ночью на полустанке Летники. По краям дороги слабо шумел берёзовый перелесок. С болот наносило холод.

Шли мы долго, мерно, как в походе. Через два часа небо на востоке начало наливаться чистой и слабой синевой. Там, далеко за лесами, зарождалась заря. И на этой смутной заре ещё пронзительнее, чем ночью, пылала звезда.

С каждым километром нарастала глушь. Мы медленно входили в обширное пустынное полесье.

Когда совсем рассвело, мы сели отдохнуть на обочине. Молодая осина дрожала над головой лимонными нежными листьями. Они тихо слетали, запутывались в паутине, в кустах волчьей ягоды.

- Совершенно нестеровская Россия,- сказал вполголоса кто-то из нас.

Мы привыкли говорить «левитановские места» и «нестеровская Россия». Эти художники помогли нам увидеть свою страну с необыкновенной лирической силой. Нет ничего плохого в том, что к зрелищу этих речушек и ольшаников, бледного неба и лесных косогоров всегда перемешивается капля грусти, может быть, оттого, что каждая встреча с этими местами – вместе с тем и разлука с ними. Нам грустно, что мы не в силах превратить это мимолётное осеннее утро в бесконечный шелест сухого золотого листа, в бесконечный блеск прохладных озёр, в бесконечный хоровод лёгких, как дым, облаков.

С крутого песчаного холма открывалась внизу пойма реки. За ней поднимались в небо сосновые боры, кремли дремучих лесов. На их краю виднелась деревня и стояла во мгле, как видение, очень высокая, почерневшая от времени деревянная церковь.

Туман лежал в пойме синеватой водой. Только вершины стогов темнели над ним маленькими островками.

Мы медлили. Никому не хотелось двигаться. Деревня за рекой ещё спала. Ни один дымок не подымался над крышами. Не было слышно ни мычания коров, ни петушиных криков. Казалось, перед нами лежала в глубокой своей тишине заколдованная земля.

Медленно поднялось солнце - размытое, цвета соломы. На краю деревни протяжно запел пастуший рожок. Заколдованный край просыпался.

К. Паустовский

291 слово.

Текст 5

(Правописание суффиксов причастий. Причастные обороты. Сложно-подчинённые предложения с разными придаточными.)

Дорогое и славное слово

Утром первого сентября в маленьком подмосковном городке я видела старого человека с седой, аккуратно подстриженной бородкой, державшего в руках громадную охапку осенних цветов. Их было такое множество, что сразу становилось ясно: старик срезал буквально всё, что цвело и благоухало в его саду. Срезал и вынес на улицу, по которой шли в школу дети. Каждому школьнику, проходившему мимо, он вручал несколько стеблей, а тем, у кого в руках не было своих букетов, – побольше, так, чтобы они ничем не отличались от других ребят, чьи мамы и бабушки заранее позаботились о цветах для торжественного сентябрьского дня.

Это было красивое и трогательное зрелище: старый человек, прижимавший к груди роскошные цветы, и радостные, оживлённые ребячьи лица вокруг, их звонкие голоса, то бойко, то застенчиво повторяющие: «Спасибо, дедушка!» Трудно даже сказать, кто выглядел счастливее: дети, получавшие неожиданный подарок, или старый садовник с доброй улыбкой на лице...

Но вот последние цветы вручены маленькой девочке с белыми бантами в косичках, и улица опустела. На маленький городок спустилась тишина, но мне, невольной свидетельнице этой сцены, всё ещё чудилось, что в тёплом воздухе погожего сентябрьского утра переливается и трепещет, как трель жаворонка, доброе слово: «Спасибо».

186 слов.

ТЕКСТ 6

Язык народа – лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина. В нём претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, её воздух, её физические явления, её климат, её поля, горы и долины, её леса и реки, её бури и грозы – весь тот глубокий, полной мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов.

Но в светлых глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости – словом, весь след своей духовной жизни.

Не условным звукам только учится ребёнок, изучая родной язык, но пьёт духовную жизнь из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему родную природу, как не мог бы объяснить её ни один естествоиспытатель. Оно знакомит с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живёт, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк. Оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик. Оно, наконец, даёт такие логические понятия и философские воззрения, которых, конечно, не мог бы сообщить ребёнку ни один философ.

239 слов.

По К. Ушинскому.

ТЕКСТ 7.

(Приложения. Сравнительные обороты. Однородные члены.)

Слово о матери

Мама. Слово это вечно, как сама жизнь. Слово – это олицетворение жизни. Его лепечет твой первенец непослушными ещё губами, его с бесконечной любовью и благоговением произносит сильный седой человек, вынесший и видевший многое, прошедший войну, – а для матери он всегда ребёнок, которому нужны её тепло, её поддержка и понимание.

Мама – всегда самый нужный, самый родной и близкий человек. И нет слов теплее, чем слово о матери.

Матушка-кормилица, говорим мы о земле, отдавая ей дань благодарности. Родина-мать, говорим мы. В этих словах – тёплое, мирное небо над головой, простор полей, тишина лесов, синева рек. В этих словах – город, где ты родился, улица, где вырос, дом, где тебя любят и ждут; в них – твоя школа и первая учительница, твое дело, твои друзья и книги, и твоя ответственность за мир под этим небом, за женщину, которая дала тебе жизнь, которая сидела у твоей постели, держала твою горячую руку в своей, когда ты был болен, провожала в путь и наказывала любить и ценить людей, быть честным и справедливым.

162 слова.

ТЕКСТ 8

Что помогает писать

Однажды я плыл зимой на совершенно пустом пароходе из Батума в Одессу. Море было серое, холодное, тихое. Берега тонули в пепельной мгле. Тяжелые тучи, будто в летаргическом сне, лежали на хребтах отдельных гор.

Я писал в каюте, иногда вставал, подходил к иллюминатору, смотрел на берега. Тихо пели в железной утробе парохода могучие машины. Пищали чайки. Писать было легко. Никто не мог оторвать меня от любимых мыслей. Ни о чем, совершенно ни о чем не надо было думать, кроме как о рассказе, который я писал. Я ощущал это величайшее счастье. Открытое море защищало меня от всяких помех.

И еще очень помогало работать сознание движения в пространстве, смутное ожидание портовых городов, куда мы должны были заходить, может быть, каких-то неумотительных и коротких встреч.

Теплоход резал стальным форштевнем бледную зимнюю воду, и мне казалось, что он несет меня к неизбежному счастью. Так мне казалось, очевидно, потому, что удавался рассказ.

И еще я помню, как легко было работать в тишине деревенского дома, осенью, в одиночестве, под потрескивание свечи.

Темная и безветренная сентябрьская ночь окружала меня и так же, как море, защищала от всяких помех.

Трудно сказать, почему, но очень помогало писать сознание, что за стеной всю ночь напролет облетает старый деревенский сад. Я думал о нем, как о живом существе. Он был молчалив и терпеливо ждал того времени, когда я пойду поздним вечером к колодцу за водой для чайника. Может быть, ему было легче переносить эту бесконечную ночь, когда он слышал брелчание ведра и шаги человека.

Но во всяком случае ощущение одинокого сада и холодных лесов, тянувшихся за околицей на десятки километров, лесных озер, где в такую ночь, конечно, не может быть и нет ни единой человеческой души, а только звезды отражаются в воде, как отражались сто и тысячу лет назад, - это ощущение помогало мне. Пожалуй, я могу сказать, что в эти осенние вечера я был действительно счастлив.

Форштевень – это передняя, самая прочная конструкция в носовой части корабля. ... Оснащенный тяжелым **форштевнем** корабль способен пробить наружную обшивку

ТЕКСТ 9.

(Обособленные определения.)

Посвящается Долорес Ибаррури.

Аллея жизни

Свежий речной ветер прорвался с набережной на аллею, растрепал шевелюры деревьев, протащил по асфальту оставленную кем-то газету, запутался в густом кустарнике.

Люди на аллее занимались своими делами: кто отдыхал с книжкой в руках, кто судачил, кто мчался во весь опор, не замечая ни тех, ни других.

Поэтому немногие обратили внимание на «Волгу», мягко затормозившую у самой бровки, на шофера, с необычной резвостью отворившего дверцу, на седую женщину, немедленно вышедшую из машины.

Она не была в этом городе целый год. За год деревья выросли, а люди помолодели. А может, это ей только кажется из-за того, что очень уж много молодежи и детворы высыпало в этот час на аллею.

Идти ей было несколько шагов. Туда, где под россыпью букетов блестела золотая грань слов: «Здесь похоронены погибшие в боях с немецко-фашистскими захватчиками при защите Сталинграда...». И рядом с русскими именами – испанское имя ее сына, Героя Советского Союза, самого доброго и красивого человека в мире.

Ежегодно она приезжает сюда, чтобы побыть с ним наедине. Но почти никогда это ей не удается. Вот и сейчас за ее спиной взволнованно дышит свадьба с женихом, невестой и алыми гвоздиками, принесенными сюда к золотым именам героев. И повторяются слова, которым она научила сына и которые он начертал своей молодой кровью на развалинах этого города. Тем словам – «Но пассаран!» - не суждено было свершиться на его родине, они стали явью тут, на израненной, непокоренной сталинградской земле.

Замерли в почтенном карауле деревья. И волжский ветер замедлил свой бег, нежно обнял седую женщину-мать и застыл на миг с нею вместе у обелиска...

ТЕКСТ 10.

(Обособленные определения и обстоятельства.)

Раннее весеннее утро, прохладное и росистое. На всем небе ни облачка. Только на востоке, там, откуда сейчас выплывало в огненном зареве только что показавшееся солнце, еще толпятся, бледнея и тая с каждой минутой, сизые предрассветные тучки.

Весь безбрежный степной простор кажется осыпанным тонкой золотой пылью. В густой буйной траве повсюду дрожат, переливаясь и вспыхивая разноцветными огнями, бриллианты крупной росы. Степь весело пестреет цветами: ярко желтеет дрок, скромно синеют колокольчики, белеет целыми зарослями пахучая ромашка, дикая гвоздика горит пунцовыми пятнами.

В утренней прохладе разлит горький здоровый запах полыни, смешанный с нежным, похожим на миндаль, ароматом повилики. Все блещет и нежится, радостно тянется к солнцу. Только кое-где в глубоких и узких балках, между крутыми обрывами, поросшими редким кустарником, еще лежат, напоминая об ушедшей ночи, влажные синеватые тени. Высоко в воздухе, невидимые глазом, трепещут и звенят жаворонки. Неугомонные кузнечики подняли свою торопливую, сухую трескотню. Степь проснулась и ожила, и кажется, будто она дышит глубокими, ровными и могучими вздохами.

Резко нарушая красоту этого прелестного утра, гудит на ближайшей шахте обычный шестичасовой свисток, гудит бесконечно долго, хрипло, точно жалуюсь на что-то. Звук этот слышится то громче, то слабее; иногда он почти замирает, как будто обрываясь, захлебываясь, уходя под землю, и вдруг снова вырывается с прежней неожиданной силой.

Длинные закопченные сверху трубы изрыгают, не останавливаясь ни на секунду, клубы черного, грязного дыма, застилающие небо серой пеленой. Еще издали слышен частый звон молотов, бьющих по железу, и протяжный грохот цепей, и эти тревожные металлические звуки принимают какой-то суровый, неумолимый характер среди тишины ясного, улыбающегося утра.

248 слов.

По А. Куприну

Текст 11

Верность слову

О человеке мы в значительной степени судим по тому, умеет ли он держать данное слово, не расходится ли оно с делом. Без этого не может быть и речи об уважении, авторитете, обыкновенной порядочности – хотя бы уже потому, что с каждым членом общества любой человек связан необходимостью общих дел, коллективных усилий, наконец, чисто человеческими отношениями. Слово, обещание, заверение, независимо от того, даются ли они товарищу, другу или коллективу, накладывают на человека определенные обязательства. Обязательства перед самим собой, перед собственной совестью, перед другими людьми, перед обществом. Слово, не подкрепленное поступком, не просто пустой звук, это обман. И не в том суть, обманываешь ли при этом себя или другого человека, а в том, что в любом случае отступаешь от собственных принципов, убеждений, обрываешь нити, которые связывают тебя с людьми. И не только с людьми. Разрешив себе дать слово и не сдержав его, приняв решение и не выполнив, в конечном счете можешь прийти к тому, что не только к слову, но и к делу, которое должно стоять за ним, будешь относиться с той же недопустимой легкостью, со снисходительной небрежностью, безответственностью. Ничто так не возвышает личность, как активная жизненная позиция, сознательное отношение к общественному долгу, когда единство слова и дела становится повседневной нормой жизни и поведения. Требовательность, ответственность за слово, сознательное отношение к общественному долгу должны быть повседневной нормой: ведь верность слову – это верность делу.

224 слова.

Текст 12

Счастье быть грамотным

Громко рассмеявшись, моя новая знакомая ушла в спальню и вынесла оттуда маленький томик в синем кожаном переплете. «Это тебе понравится», - сказала она, подавая мне книгу. В томике были собраны поэмы Пушкина. Я прочитал их все сразу, охваченный тем неизъяснимым радостным чувством, которое испытываешь, попадая в красивую местность. Бывало, ходишь по моховым кочкам болотистого леса, и вдруг неожиданно разворачивается перед тобой сухая поляна, вся в цветах и в солнце. Минуту смотришь на нее, очарованный, а потом с жадным любопытством обежишь всю, и каждое прикосновение ноги к мягким травам плодородной земли тихо радует.

Пушкин до того удивил меня изящной простотой и музыкой стиха, что долгое время проза казалась мне неестественной, даже читать ее было как-то неловко и неинтересно. Известный пролог к «Руслану и Людмиле» напомнил лучшие сказки бабушки, сжав их в одну. В моем воображении ясно рисовались таинственные следы невиданных зверей, которыми примята трава, еще не стряхнувшая капель утренней росы. Полнозвучные строчки стихов запоминались удивительно легко, претворяя во что-то праздничное все, о чем бы они ни говорили. Это делало меня счастливым, а жизнь мою - легкой и приятной. Стихи звучали, как чудная весть о новой жизни. Какое счастье-быть грамотным!

Великолепные сказки Пушкина были всего ближе и понятнее мне; прочитав их несколько раз, я уже знал их на память; лягу спать и шепчу стихи, закрыв глаза, пока не усну. Эти книги вымыли мне душу, очистив её от шелухи впечатлений нищей и горькой действительности; я почувствовал, что такое хорошая книга, и понял её необходимость для меня. От этих книг в душе спокойно сложилась стойкая уверенность: я не один на земле и - не пропаду!

ТЕКСТ 13

(«Н» и «НН» в причастиях и прилагательных.)

Вдохновение

О писательской работе существует много предвзятых мнений и предрассудков. Некоторые из них могут привести в отчаяние своей пошлостью. Больше всего опошлено вдохновение. Почти всегда оно представляется невеждам в виде выпученных в непонятном восхищении, устремлённых в небо глаз поэта или закушенного зубами гусиного пера. Нет! Вдохновение – это строгое рабочее состояние человека. Душевный подъём не выражается в театральной позе и приподнятости. Так же как и пресловутые «муки творчества».

Пушкин сказал о вдохновении точно и просто: «Вдохновение есть расположение души к живому приятию впечатлений, следственно, к быстрому соображению понятий, что и способствует объяснению оных». «Критики, - сказал он вдобавок, - смешивают вдохновение с восторгом». Так же как читатели смешивают иногда правду с правдоподобием. Чайковский утверждал, что вдохновение – это состояние, когда человек работает во всю силу, как вол, а вовсе не кокетливо помахивает рукой.

Каждый человек хотя бы несколько раз за свою жизнь, но пережил состояние вдохновения, - душевного подъёма, свежести, живого восприятия действительности, полноты мысли и сознания своей творческой силы.

Да, вдохновение – это строгое рабочее состояние, но у него есть своя поэтическая окраска, свой, я бы сказал, поэтический подтекст. Вдохновение входит в нас, как сияющее летнее утро, только что сбросившее туманы тихой ночи, забрызганное росой, с зарослями влажной листвы. Оно осторожно дышит нам в лицо своей целебной прохладой. Вдохновение – как первая любовь, когда сердце громко стучит в предчувствии удивительных встреч, невообразимо прекрасных глаз, улыбок и недомолвок. Тогда наш внутренний мир настроен тонко и верно, как некий волшебный инструмент, и отзывается на все, даже самые скрытые, самые незаметные звуки жизни.

О вдохновении написано много превосходных слов у писателей и поэтов. Толстой сказал о вдохновении, пожалуй, проще всех: «Вдохновение состоит в том, что вдруг открывается то, что можно сделать. Чем ярче вдохновение, тем больше должно быть кропотливой работы для его исполнения».

Но как бы мы ни определяли вдохновение, мы знаем, что оно плодотворно и не должно исчезнуть бесплодно, не одарив собою людей.

К. Паустовский. Золотая роза

Пунктуация.

(Простое предложение. Тире между подлежащим и сказуемым.)

Текст 14.

Осенняя пора

На дворе – осень. Каленый лист с мелодичным скрежетом скользит по асфальту. Убранные поля дышат спокойствием и умиротворением. Осень подводит итоги. Есть знаменательная мудрость жизни в том, что эта, как ни посмотри, грустная, элегическая пора увядания оказывает столь вдохновляющее воздействие на умы и сердца, как будто бы в часы листопада обнажается не только четкая графика ветвей, но и суть многих явлений бытия. Ранние сумерки, порыв ветра, легкий дым костра странным и безотказным способом сообщают душе жажду деятельности, помогают как бы обрести новое дыхание в привычном ритме своей работы.

Осень учит деловитости, умению смотреть правде в глаза и отвечать за свои поступки. Потому что не только зима впереди – впереди новый год, новые заботы, новый этап в жизни страны и народа. Осень не просто завершение, не просто конец делу, она ещё и начало.

Константин Паустовский писал, что рассвет октябрьского дня уже таит в себе приметы заката. Эта драматичность придаёт самому хмурому пейзажу неизъяснимое, тревожащее душу очарование. Свойство шедевра, принадлежащего самой русской природе. Можно продолжить сравнение её с замечательным певцом. Осень – закат года, но в закатных её красках, в её вечернем свете, в смирении её красок ощутимы признаки будущего рассвета, расцвета, будущего наступления жизни. Осень не конец, не покой, не сон, это раздумье в пути, это достижение вершины, с которой открываются новые дали и новые цели.

Текст 15

("н" и "нн" в причастиях и прилагательных. Однородные члены)

Прелесть родной стороны

Удивительнее всего, в этих местах был воздух. В нём была полная и совершенная чистота. Эта чистота придавала особую резкость, даже блеск всему, что было окружено этим воздухом. Каждая сухая ветка сосны была видна среди темной хвои очень далеко. Она была как бы выкована из заржавленного железа. Далеко было видно каждую нитку паутины, зелёную шишку в вышине, стебель травы.

Ясность воздуха придавала какую-то необыкновенную силу и первозданность окружающему, особенно по утрам, когда всё было мокро от росы и только голубеющий туман ещё лежал в низинах.

А среди дня и река и леса играли множеством солнечных пятен – золотых, синих, зеленых и радужных. Потоки света то меркли, то разгорались и превращали заросли в живой, шевелящийся мир листвы. Глаз отдыхал от созерцания могучего и разнообразного зелёного цвета.

Полет птиц разрезал воздух: он звенел от взмахов птичьих крыльев. Лесные запахи набегали волнами. Подчас трудно было определить эти запахи. В них смешивалось всё: дыхание можжевельника, вереска, воды, брусники, гнилых пней, грибов, кувшинок, а может быть, и самого неба... Оно было таким глубоким и чистым, что невольно верилось, будто эти воздушные океаны тоже приносят свой запах – озона и ветра, добравшегося сюда от берегов тёплых морей.

Очень трудно подчас передать свои ощущения. Но, пожалуй, вернее всего можно назвать то состояние, которое испытывали все мы, чувством преклонения перед не поддающейся никаким описаниям прелестью родной стороны.

Тургенев говорил о волшебном русском языке. Но он не сказал о том, что волшебство языка родилось из этой волшебной природы и удивительных свойств человека.

А человек был удивителен и в малом и в большом: прост, ясен и доброжелателен. Прост в труде, ясен в своих размышлениях, доброжелателен в отношении к людям. Да не только к людям, а и к каждому доброму зверю, к каждому дереву.

280 слов.

К. Г. Паустовский. Кордон "273"

Как работал Федин

Однажды поздней ночью Федин разбудил меня и взволнованно сказал:

– Ты знаешь, море молчит. Пойдем послушаем на террасу.

Глубокая, казалось, мировая тишина остановилась над берегом. Мы затихли, чтобы уловить в темноте хотя бы слабый плеск волны, но ничего не могли услышать, кроме звона в ушах. Это звенела наша кровь. В высокой, тоже какой-то всемирной мгле тускло светили звезды. Мы, привыкшие к беспредельному морскому шуму, были даже подавлены этой тишиной. Федин в ту ночь не работал.

Невольно наблюдая за Фединым, я узнал, что он садился писать только в том случае, если очередная глава была строго обдумана, выверена, обогащена размышлениями и воспоминаниями, если она складывалась в сознании вплоть до отдельных фраз.

Федин, перед тем как писать, очень пристально всматривался в эту свою будущую вещь, всматривался под разными углами и писал только то, что ясно видел, и притом в законченной связи с целым.

Ясный, твердый ум и строгий глаз Фебина не могли мириться с зыбкостью замысла и воплощения. Проза должна быть, по его мнению, отработана до безошибочности и закалена до алмазной прочности.

Флобер провел всю жизнь в мучительной погоне за совершенством слога. В своем стремлении к кристальности прозы он не мог остановиться, правка рукописей стала для него в некоторых случаях не дорогой к совершенствованию прозы, а самоцелью. Он терял способность оценки, уставал, приходил в отчаяние и явно сушил и мертвил свои вещи, или, как говорил Гоголь, «рисовал, рисовал, да и зарисовывался».

Федин знает, где остановиться во время выработки прозы. Критик никогда в нем не устает, но и не подавляет писателя.

246 слов.

К. Паустовский. Золотая роза

Правописание частиц "не" и "ни" с разными частями речи

Тест 17

Гений - это труд

Напрасно ходят легенды о волшебстве, чуть ли не легкости творчества избранных. Никто, никогда, ни один историк искусств, литератор, музыковед не проникали в грудную клетку Рафаэля, Моцарта или Пушкина — этих, казалось, колдовски удачливых творцов.

Они нашли бы там сердца, истерзанные сомнениями, неисполненными мечтами, а главное, обнаружили бы души, смятенные боязнью не высказать до конца людям то заветное, что ведомо лишь им одним.

Великих художников окружал жестокий мир их неосуществленных замыслов, этот неумолимый и грозный хоровод ненаписанных, несозданных шедевров, невыполненных перед самим собой обязательств, и эта миссия вечного должника отравляла самые счастливые мгновения их жизни, ибо ни одно чувство, даже сама любовь, не могло пересилить, одолеть единственную страсть любого великого мастера — творить! Любовь могла убить самого творца. Убить, но не победить, но не вытеснить искусства. Среди этих мучеников своего призвания, своего гения первым и самым терзаемым своими страстями был Микеланджело Буонарроти.

«Первым мастером мира» звали современники Микеланджело. И имена «божественный», «несравненный», «небесный» не могут превзойти суровую красоту этого звания. Мастер! Что может быть выше поистине народного титула? В нем весь пот, вся бессонница, вся ярость преодоления, все благородство привычки к труду... Труд, труд и еще раз труд звучит в этом слове. «Первый мастер мира» - это людская признательность художнику за вселенскую победу искусства, не знающего границ...

Прошли века. Промелькнула и угасла слава иных владык, этих пап, герцогов, князей, милостиво даривших свое внимание неуживчивому, странному, вечно недовольному собою, к чему-то неведомому рвущемуся человеку. Его торопили, ему давали высочайшие советы, как надо работать, ему угрожали, его однажды изволили побить святейшим посохом. Но он был упрям, этот мастер, и он твердил свое: «А я еще не кончил» - и... работал. Он оставил людям свои творения. И чем больше времени проходит, тем все выше и выше вздымается к звездам гордое и простое звание «Первый мастер мира», данное ему при жизни народом и ставшее бессмертным!

298 слов.

Т Е К С Т 18.

(Причастные и деепричастные обороты.)

Челкаш и Гаврила

Ветер пронёсся и разбудил море, вдруг заигравшее частой зыбью. Оно играло маленькими волнами, рождая их, украшая бахромой пены, сталкивая друг с другом и разбивая в мелкую пыль. Пена, тая, шипела и вздыхала – и всё кругом было заполнено музыкальным шумом и плеском.

Челкаш грёб медленно. Лодка колыхалась на волнах, шаловливо плескавшихся у берега. Двое людей мечтали, покачиваясь на воде и задумчиво поглядывая вокруг себя. Короткий разговор смолк, но теперь даже от молчания Гаврилы на Челкаша веяло деревней. Он вспоминал прошлое, забывая править лодкой, повернутой волнением и плывшей куда-то в море. Волны точно понимали, что эта лодка потеряла цель, и, все выше подбрасывая ее, легко играли ею, вспыхивая под веслами своим ласковым голубым огнем. А перед Челкашем быстро неслись картины прошлого, далекого прошлого, отделенного от настоящего целой стеной из одиннадцати лет босяцкой жизни.

Память, этот бич несчастных, оживляет даже камни прошлого и даже в яд, выпитый некогда, подливает капли меда...

Челкаш чувствовал себя овеванным примиряющей, ласковой струей родного воздуха, донесшего с собой до его слуха и ласковые слова матери, и солидные речи истового крестьянина-отца, много забытых звуков и много сочного запаха матушки-земли, только что оттаявшей, только что вспаханной и только что покрытой изумрудным шелком озими...

Он чувствовал себя одиноким, вырванным и выброшенным навсегда из того порядка жизни, в котором выработалась та кровь, что течет в его жилах. Все хищное в его фигуре обмякло, стушеванное приниженной задумчивостью, смотревшей даже из складок его грязной рубахи.

Он круто повернул лодку, направил её к чему-то чёрному, высовывавшемуся из воды.

Из покрытого тучами неба снова посыпался дождь, мелкий, теплый, весело звякавший, падая на хребты волн.

258 слов

(по М.Горькому)

ТЕКСТ 19.

(Деепричастия и деепричастные обороты. Причастные обороты. Обращения.)

Знамя полка

С крыльца Марченко сходил, медленно и осторожно ставя ноги на шаткие ступеньки, придерживаясь рукою за перила, и когда грузно ступил на землю, в строю глухо и согласно щелкнули двадцать семь пар стоптанных солдатских каблуков.

В немой тишине слышно было сдержанно взволнованное дыхание бойцов и ворох песка под ногами полковника. Остановившись, он оглядел лица бойцов одним незабинтованным и сверкающим, как кусок антрацита, черным глазом, неожиданно звучным голосом сказал: «Солдаты! Родина никогда не забудет ни подвигов ваших, ни страданий. Спасибо за то, что сохранили святыню полка – знамя». Полковник волновался и не мог скрыть волнения: правую щеку его подергивал нервный тик. Выдержав короткую паузу, он заговорил снова «Пусть враг временно торжествует, но победа будет за нами. Вы принесете ваше знамя в Германию, и в последних сражениях на немецкой земле развернутся алые знамена нашей великой армии – освободительницы! Спасибо вам, солдаты!»

Ветер тихо шевелил потускневшую золотую бахромку на малиновом полотнище, свисавшем над древком тяжелыми, мятыми складками. Полковник тихо подошел к знамени, преклонил колени. На секунду он качнулся и тяжело оперся пальцами правой руки о влажный песок, но, мгновенно преодолев слабость, выпрямился, благоговейно склонил забинтованную голову, прижимаясь трепещущими губами к краю бархатного полотнища, пропахшего пороховой гарью, пылью дорог и неистребимым запахом степной полыни...

Сжав челюсти, Лопахин стоял не шевелясь и лишь тогда, когда слышал справа от себя глухой, сдавленный всхлип, – слегка повернул голову: у старшины, у боевого служаки Поприщенко, вздрагивали плечи и тряслись вытянутые по швам руки, а из-под опущенных век торопливо бежали по старчески дряблым щекам мелкие светлые слезы. Но, покорный воле устава, он не поднимал руки, чтобы вытереть слезы, и только все ниже и ниже клонил свою седую голову...

262 слова.

По М. Шолохову

ТЕКСТ 20.

(Однородные члены предложения с повторяющимися и неповторяющимися союзами. Причастные и деепричастные обороты. Сравнительные обороты. Сложноподчиненные предложения с разными придаточными.)

Море! Кажется, все, что я люблю, вмещается в это слово. Оно широкое-широкое, глубокое-глубокое. Я стою на обрыве, и ветер лохматит мои волосы, надувает платье, и оно становится похожим на парус.

Я побывала во многих местах, видела и сказочную корону северного сияния, и безмолвную, кажущуюся безжизненной, но полную тайного движения пустыню. Видела леса, занимавшие огромные пространства, где каждое дерево живет своей жизнью, красавицу степь, которая как бы вся состоит из шелеста, волнений и манящего аромата цветов.

Здесь цветут и нежные одуванчики, и звонкие колокольчики, и храбрые стройные ромашки, и лукавые синеглазые васильки, и алые маки, разбросанные повсюду, как горящие искры. Я видела и белые до боли в глазах льды, и топкие болота, бывшие прекрасными озерами, которые, состарившись, превратились в скряг, тянущих в жадную пасть все, что попадает в их цепкие руки...

Это прекрасно, но больше всего я люблю море... Море – это тихо и мягко, близко и далеко, тепло и прохладно. Но я люблю море даже тогда, когда оно и бурно, и шумно, и зло, и сердито, и холодно, и ледяно, и высоко, и низко, так низко, что затопляет маленькие селения рыбаков, а это плохо.

А бывает море нежное-нежное, ласковое-ласковое, как мать. Оно ласкает и гладит песок, неумоимо перебирает камешки, перекатывает с места на место и делая их круглыми.

Мягкий, тихий прибой обнимает мои ноги и вдруг, натываясь на камень, летит на меня тысячами сверкающих брызг и охватывает с ног до головы.

234 слова.

Р. Имамутдинова.

ТЕКСТ 21.

(Обособленные определения и обстоятельства. Знаки препинания в сложных предложениях усложненной структуры.)

Вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору, и я решил подойти к огонькам и в обществе тех людей дожидаться зари. Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг огня, за гуртовщиков: это были крестьянские ребята из соседней деревни, которые стерегли табун. В жаркую пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днем мухи и оводы не дали им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с веселым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут.

Легкая пыль желтым столбом поднимается и несется по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост, беспрестанно меняя ногу, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейниками в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Я прилег под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около пней дрожало и как бы замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отраженье; пламя, вспыхивая изредка, забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык свету лизнет голые сучья лозняка и разом исчезнет. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Из освещенного места трудно разглядеть. Что делается в потемках, и потому вблизи все казалось задернутым почти черной завесой. Темное чистое небо торжественно и высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный и свежий запах – запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума...

285 слов

По И. Тургеневу

Текст 22

Есть десятки, сотни профессий, специальностей, работ: один строит железную дорогу, другой возводит жилище, третий выращивает хлеб, четвертый лечит людей, пятый шьет одежду. Но есть самая универсальная — самая сложная и самая благодарная работа, единая для всех и, в то же время, своеобразная и неповторимая в каждой семье, — это творение человека.

Отличительной чертой этой работы является то, что человек находит в ней ни с чем не сравнимое счастье.

Если вы мечтаете оставить после себя след на земле — не обязательно быть выдающимся писателем или ученым, творцом космического корабля или открывателем нового элемента периодической системы. Вы можете утвердить себя в обществе, воспитывая хороших детей. Хороших граждан, хорошего сына, хорошую дочь, хороших родителей.

В воспитании органически сливается общественное и интимное. В этом слиянии, на мой взгляд, и заключается гармония человеческого счастья. Творение человека — высшее напряжение всех ваших духовных сил. Это и жизненная мудрость, и мастерство, и

искусство. Дети не только и не столько источник счастья. Дети — это счастье, созданное вашим трудом. Помните это — и ты, юноша, с замиранием сердца ожидающий часа свидания с любимой, и ты, молодой отец, у которого в колыбели уже поет свою вековую песню дитя, и ты, поседевший, умудренный радостями и тревогами семейной жизни, отец детей и дедушка внуков своих. Счастье отцовства и материнства не манна небесная, оно не приходит праздничным гостем, как только вы, юноша и девушка, стали мужем и женой. Оно трудное и выстраданное — это счастье, оно приходит только к тем, кто не боится единообразного, многолетнего труда до самозабвения. Сложность этого труда состоит в том, что он представляет собой слияние разума и чувств, мудрости и любви, умение, наслаждаясь нынешним мгновением, тревожно заглядывать в будущее. Там, где утрачена эта мудрая отцовская и материнская способность, счастье становится призраком.

ТЕКСТ 23

Колыбель русского слова.

Колыбелью русского слова, его нежности, мужественности, красоты и объёмности является русская природа, русская ширь, создавшая русский народ, питавшая его душу.

Сколько в России рек? Великих и малых? Рек, речушек, речек, реченок... Оставались ли вы наедине с речкой тихой ночью, когда замолкают птицы, спят деревни и сёла, успокоились дороги, нет заводского гула и только она, реченька? Вы слышали её говор? Поняли, о чём она шепчет? Она делится с вами, сообщает неведомые и непонятные звуки, она достаёт эти звуки из невидимых далей своих притоков, доносит до вас никому, кроме неё, не известный голос подводных невидимых источников. Вдруг между луной и речкой подкрадывается и тихо обхватывает и вас и воду мягкая белая мгла, и вы услышите просьбу речки — прикрой меня, облачко, укутай меня, дай отдохнуть.

Прислушиваетесь к лесу. Он передаёт вам смысл своего названия — лес, в музыке незаметного дыхания леса вы откроете тайну слов шорох, шелест, дуновение, тень, прохлада, покой, ветка, лист, пень, поляна... Каждое из этих слов само без перевода передаёт свой истинный смысл, потому что оно связано с сутью леса, с его жизнью. И человек лишь занял у леса его язык. А если выйти в поле, то обнаружишь, что оно, поле, передало русскому человеку свой язык через свою безграничность, передало своё широкое дыхание и уходящие в высокое небо запахи и звуки. Поле, высота, небо, долины, луга, просторы, травы, раздолье... Разве можно услышать эти слова и не понять их истинного смысла?

От вечного общения человека с природой, от их взаимодействия в русском языке родились слова, полные высокой значимости, слова, не терпящие к себе облегчённого отношения, и эти слова почти не имеют уменьшительных значений и множественного числа: труд, мастерство, терпение, старание, честность...

Ф. Видрашку. Встречи

Предлагаемый раздел содержит тексты диктантов и диктантов-ключей.

Текст 24

Расставьте недостающие знаки препинания. Проверьте себя по ключу.

Воистину лес был велик и громаден. И полон звуков в которых можно было уловить то хлопанье крыльев то шелест листы журчанье ручья зевок ветра фыркание чутких ноздрей шорох лап хруст вспугнутых зарослей капельки света пролившиеся белым соком сквозь кряжистые руки крон то ровный сон теней то хрумканье маленьких острых зубов, а то и рёв почуявшего беду крупного зверя. Здесь пахло дождями и солнцем сыростью с кровью порой падалью и тревогой но никогда – костром. А потому каждый выстрел обжёгший пороховой воздух приводил этот стройный и девственный мир в смятение. Лес становился враждебным и отвечал неистовым шумом то пронизывавшей до мозга костей тишиной. Если бы не врождённое чувство упрямого и гордого противления всему что сберегала для себя самой природа, человек острее бы ощущал нелепую подлость своего здесь присутствия. Не случайно едва удавалось кого-нибудь подстрелить – в движениях его проступала постыдная спешка. Второпях он комкал молитву свеживал тушу и поскорее стремился выбраться к берегу чтобы выйти из хмурых пределов им поруганного безмолвия (Алан Черчесов «Венок не могилу ветра»).

Текст 25

(160 слов. Знаки препинания в сложноподчинённом предложении, знаки препинания при однородных членах, обособление определений.)

Там где смыкались ладонями две скалы над рекой солнце готовило для себя короткий привал. Выскользнув из-за гор и зависнув в глубоком разрезе ущелья оно подплывало к двойному острию почти соприкоснувшихся плит напоминавших то ли завалившиеся надгробия, то ли расколотую пополам терпеливой суетой воды вершину. Нанизав свою прозрачную плоть на два равных каменных выступа солнце слепило в лицо

буйным свечением из-под которого постепенно на радужной оболочке глаз сквозь ажурную кромку разноцветной травы прорастало чёрное пятно круглого отражения. Оно оставалось тлеть на изнанке век ещё несколько влажных минут пока отливает в тень эта дивная и чёткая симметрия сложенная из безупречного яркого шара обрызгавшего сотней бликов разгневанную воду под собой и жёсткого холода каменных плит внезапно спаянных - на миг – звенящей лавой света. Длилось это и впрямь какие-то мгновения, минуту а может меньше даже – несколько глотков вдруг настужь распахнувшегося чистого упругого и девственного времени проникшего эхом в самое сердце и задышавшего в нём щедрой волной. Мир словно поднимал завесу над своей главной и простой как это миг загадкой: он был прекрасен, правилен и добр. Ради того чтобы в том убедиться, стоило сюда идти полдня по турьей тропе царапая руки в кровь и портя одежду, а потом дождавшись и причастившись солнечной мудрости, уже на закате, спуститься к реке и устроиться на ночлег в полумраке неспелой луны и полушаге от звёзд, чтобы после слушая нестрашную темноту заснуть в полумысли от невозвращения – в себя самого и в грядущее утро которое призовет обратно к тем кого было так трудно понять и с кем было легче расстаться чем поладить душой (Алан Черчесов «Венок на могилу ветра»).

Текст 26

(252 слова. Знаки препинания в сложноподчинённом предложении, обособление определений и обстоятельств.)

В старой легенде про Александра Македонского рассказывается как он завоевав восточную страну велел в честь победы построить триумфальную арку и расписать её стены. Два художника соревнуясь в мастерстве приступили к работе. Когда она была завершена и сняли завесу предстала удивительная картина обе стороны арки были расписаны тончайшим кружевным узором причём он в точности повторялся, несмотря на то что оба художника всё время были разделены надёжной перегородкой. Великий Александр разгадал тайну арки один из умельцев так отшлифовал камень на своей стене что превратил его в зеркальную поверхность, повторившую рисунок соперника(Алан Черчесов «Вилла бель-летра»).

Текст 27

(89 слов. Двоеточие в сложноподчинённом предложении, запятая в сложноподчинённом предложении).

Уцелев в который уж раз, остров сделался грязным пятном, бездомным бродягой, прикорнувшим на теле у времени, которое было рекой, а река становилась судьбой, посылая знамения. Люди слушали их, но ни как не могли разобрать содержания. Быть может, просто отвыкли жить повседневной борьбой в пограничье меж тем, что питает надежду, и тем, что её ежедневно стремится убить.

Оно и понятно: земля баловала их вот уже целых пять лет, а возможно, и дольше. Но точно, что пять лет назад подобной удачи никто из них не рискнул себе даже представить: год за годом их нивы исправно исходили колосьями, лес дарил им коренья, плоды диких груш, сладкий мёд из дупла, обилие дичи и мяса, а река – та снабжала их рыбой и прозрачной, лучистой водой, отражаясь в которой, небо делалось лавой бескрайнего света, чьи брызги ловила в себя говорливая песнь тишины. Теперь у них была мельница, было пастбище, была насыпь у берега, надёжная дамба, был длинный, прямой углами забор, ограждавший аул с трёх сторон, и был свой посредник – Туган, - превращавший избытки добра в скот, кругляши серебра и покупки. Только не было главного – ощущения того, что они день за днём беспокойно творят себе счастье, потому что в соседстве от них вызревала тревогой напасть, от которой покуда никто из них даже не думал, но которую чуял душой, как забытый уже, но отчётливый запах страдания, переложенного из сейчас на потом (Алан Черчесов «Венок на могилу ветра»).

Текст 28

(223 слова. Обособление вводных слов, знаки препинания в СПП, обособление однородных членов предложения, обстоятельств и определений).

Алан Черчесов (1962) – современный талантливый российский писатель, прозаик. Автор рассказов "И будет лето...", "Голый остров", повести «Дождь – одинокий прохожий», романов "Реквием по живущему", "Венок на могилу ветра", «Вилла бель-летра», «Дон Иван». Лауреат премии им. А. Григорьева ("Венок на могилу ветра").

Самобытность и неординарность мышления, умение по-своему видеть окружающую действительность, образный язык и безупречный стиль произведений определяют его писательское мастерство.

Текст 29

Из раннего моего детства я запомнил всего лишь одно событие. Мне было три года мои родители вернулись на некоторое время в Петербург из которого незадолго перед этим уехали они должны были пробыть там очень немного, что-то недели две. Они остановились у бабушки в большом ее доме на Кабинетской улице том самом где я родился. Окна квартиры находившейся на четвертом этаже выходили во двор. Помню что я остался один в гостиной и кормил моего игрушечного зайца морковью которую попросил у кухарки. Вдруг странные звуки доносившиеся со двора, привлекли мое внимание. Они были похожи на тихое урчание прерывавшееся изредка протяжным металлическим звоном, очень тонким и чистым. Я подошел к окну но как я ни пытался подняться на цыпочках и что-нибудь увидеть, ничего не удавалось. Тогда я подкатил к окну большое кресло, взобрался на него и оттуда влез на подоконник. Как сейчас вижу пустынный двор внизу и двух пыльщиков они поочередно двигались взад и вперед, как плохо сделанные металлические игрушки с механизмом. Иногда они останавливались отдыхая; и тогда раздавался звон внезапно задержанной и задрожавшей пилы. Я смотрел на них как зачарованный и бессознательно сползал с окна. Вся верхняя часть моего тела свешивалась во двор. Пыльщики увидели меня они остановились подняв головы и глядя вверх но не произнося ни слова. Был конец сентября помню что я вдруг почувствовал холодный воздух и у меня начали зябнуть кисти рук, не закрытые оттянувшимися назад рукавами. В это время в комнату вошла моя мать. Она тихонько приблизилась к окну сняла меня закрыла раму - и упала в обморок. (250 слов, Гайто Газданов «Вечер у Клер»).

(250 слов. Точка с запятой между частями сложного предложения, Знаки препинания при вводных словах, Обособление определений и обстоятельств, знаки препинания при однородных членах).

Текст 30

Тишина, солнце, деревья... Изредка слышно как сыплется земля в овраге и трещат маленькие сухие ветки: это бежит кабан. Я засыпал на траве и просыпался с влажной спиной и желтым огнем перед глазами. Затем, оглядываясь на красное, заходящее солнце, я шел домой, в прохладные комнаты дедовской квартиры, и приходил как раз вовремя для того, чтобы увидеть пастуха в белой войлочной шляпе гнавшего стадо с пастбища и бодливые коровы деда славящиеся злым нравом и хорошим удоом мыча входили в ворота скотного двора. Я знал что сейчас к коровам бросятся телята что работница будет отводить упрямые телячьи головы от вымени, и об белые донья ведер зазвенят упругие струи молока, и дед будет смотреть на это с галереи выходящей во двор постукивая палкой по полу; потом он задумается, точно вспоминая что-то. А вспомнить ему было что.

Когда-то давным-давно он занимался тем что угонял табуны лошадей у враждебных племен и продавал их. В те времена это считалось молодечеством и подвиги таких людей были предметом самых единодушных похвал все это происходило в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия. Я помнил деда маленьким стариком, в черкеске, с золотым кинжалом. В девятьсот двенадцатом году ему исполнилось сто лет но он был крепок и бодр а старость сделала его добрым. Он умер на второй год войны сев верхом на необъезженную английскую трехлетку своего сына старшего брата моего отца но несравненное искусство верховой езды которым он славился много десятков лет изменило ему. Он упал с лошади ударился об острый край котла валявшегося на земле и через несколько часов умер. Он знал и помнил очень многое но не обо всем рассказывал и только со слов других стариков, младших его товарищей я мог составить себе представление о том что дед был умен и хитер как змея - так говорили простодушные выходцы из середины девятнадцатого столетия. Хитрость деда заключалась в том, что после прихода русских на Кавказ он оставил навсегда в покое табуны и зажил мирной жизнью которой никак нельзя было ожидать от этого неудержимого человека (Гайто Газданов «Вечер у Клер»).

(323 слова. Точка с запятой в сложном предложении, обособление однородных членов, обстоятельств и определений, запятая между частями сложноподчинённого и сложносочинённого предложения, обособление приложений, сравнительных оборотов.)

Текст 30

И прожив у деда месяц или полтора я уезжал в Кисловодск который очень любил, - единственный провинциальный город со столичными привычками и столичной внешностью. Я любил его дачи возвышающиеся над улицами, его игрушечный парк, зеленую виноградную галерею, ведущую из вокзала в город, шум шагов по гравию курзала и беспечных людей, которые съезжались туда со всех концов России. Но начиная с первых лет войны Кисловодск был уже наводнен разорившимися дамами прогоревшими артистами и молодыми людьми из Москвы и Петербурга; эти молодые люди ездили верхом на наемных лошадях и отчаянно трясли локтями, точно кто-то подталкивал их под руку. В Кисловодске я пил нарзан разбавленный сиропом ходил по парку и взбирался в гору к маленькому белому зданию с колоннами которое стояло высоко над городом оно называлось "Храм воздуха". Я не знал кому принадлежало это претенциозное название, достойное уездного поэта с длинными волосами и тремя классами высшего начального училища в прошлом. Но я любил подниматься туда там ветер как воздушная река журчал и струился между колоннами. Белые стены были

покрыты надписями в которых изощрялись российская безнадежная любовь и тщеславное стремление увековечить свое имя. Я любил красные камни на горе, любил даже "Замок коварства и любви" где был ресторан а в ресторане прекрасные форели. Я любил красный песок кисловодских аллей и белых красавиц курзала северных женщин с багровыми белками кроличьих глаз. Я проходил в парке мимо того пустычного утеса на Ольховке где постоянно дежурил фотограф который снимал дам и барышень стоящих над падающей водяной стеной эти снимки я видел везде, в самых глухих углах России (Гайто Газданов «Вечер у Клер»).

(250 слов. Точка с запятой в сложном предложении, обособление определений, обстоятельств, запятая между частями сложноподчинённого предложения, знаки препинания при однородных членах, двоеточие между частями бессоюзного сложного предложения, обособление сравнительного оборота).

Текст 31

Тот Кисловодск который я видел в детстве остался в моей памяти белым зданием с чувствительными надписями. Но вот по вечерам уже начинало делаться чуть-чуть прохладно ранней осенью я возвращался домой чтобы опять погрузиться в ту холодную и спокойную жизнь которая в моем представлении неразрывно связана с хрустящим снегом тишиной в комнатах мягкими коврами и глубочайшими диванами стоявшими в гостиной. Дома я точно переселялся в какую-то иную страну где нужно было жить не так, как всюду. Я любил вечерами сидеть в своей комнате с незажженным светом с улицы розовое ночное пламя фонарей доходило до моего окна мягкими отблесками. И кресло было мягкое и удобное и внизу в квартире доктора жившего под нами медленно и неуверенно играло пианино. Мне казалось что я плыву по морю и белая как снег пена волн колыхается перед моими глазами. И когда я стал вспоминать об этом времени, я подумал, что в моей жизни не было отрочества. Я всегда искал общества старших и двенадцати лет всячески стремился, вопреки очевидности, казаться взрослым. Тринадцати лет я изучал "Трактат о человеческом разуме" Юма и добровольно прошел историю философии которую нашел в нашем книжном шкафу. Это чтение навсегда вселило в меня привычку критического отношения ко всему которая заменяла мне недостаточную быстроту восприятия и неотзывчивость на внешние события. Чувства мои не могли поспеть за разумом. Внезапная любовь к переменам находившая на меня припадками влекла меня прочь из дому и одно время я начал рано уходить, поздно возвращаться и бывал в обществе подозрительных людей, партнеров по бильярдной игре к которой я

пристрастился в тринадцать с половиной лет за несколько недель до революции (Гайто Газданов «Вечер у Клер»).

(259 слов. Точка с запятой в сложном предложении, запятая между частями сложноподчинённого предложения, обособление определений и сравнительных оборотов)

Текст 32

Вечером я прощался с матерью. Мой отъезд был для нее ударом. Она просила меня остаться и нужна была вся жестокость моих шестнадцати лет чтобы оставить мать одну и идти воевать - без убеждения, без энтузиазма, исключительно из желания вдруг увидеть и понять на войне такие новые вещи которые быть может переродят меня...[]

Она стояла у двери в переднюю и молча смотрела на меня медленно открывая и закрывая глаза, как человек который приходит в себя после обморока. Я взял в руки чемодан; одна застежка его зацепилась за полу моего пальто и видя что я не могу ее отцепить мать вдруг улыбнулась: и это было так неожиданно - потому что она редко улыбалась, даже тогда когда другие смеялись и конечно зацепившаяся пола пальто никогда бы не могла рассмешить ее - и столько в этой улыбке было разных чувств - и сожаления, и сознания невозможности устранить мой отъезд, и мысль об одиночестве, и воспоминание о смерти отца и сестер, и стыд перед подступающими слезами, и любовь ко мне, и вся та долгая жизнь которая связывала мать со мной от моего рождения до этого дня что Екатерина Генриховна Воронина присутствовавшая при нашем прощании вдруг закрыла лицо руками и заплакала. Когда наконец за мной закрылась дверь и я подумал что может быть никогда больше не войду в нее и мать не перекрестит меня, как только что перекрестила, - я хотел вернуться домой и никуда не ехать. Но было слишком поздно та минута в которую я мог это сделать уже прошла я был уже на улице, - я вышел на улицу, и все, что было до сих пор в моей жизни, осталось позади меня и продолжало существовать без меня мне уже не оставалось там места - и я точно исчез для самого себя (Гайто Газданов «Вечер у Клер»).

(288 слов. Точка с запятой в сложном предложении, обособление определений, обстоятельств, вводных слов, запятая между частями сложноподчинённого предложения).

Текст 33

Много времени спустя я вспомнил еще, что в тот вечер шел снег, засыпая улицы. А через два дня путешествия я был уже в Синельникове где стоял бронированный поезд "Дым" на который я был принят в качестве солдата артиллерийской команды. Был конец тысяча девятьсот девятнадцатого года с той зимы я перестал быть гимназистом Соседовым перешедшим в седьмой класс перестал читать книги, ходить на лыжах, делать гимнастику, ездить в Кисловодск и видеть Клэр; и все что я делал до сих пор, стало для меня только видением памяти. Впрочем, и в эту новую жизнь я принес с собой давние мои привычки и странности; и подобно тому как дома и в гимназии значительные события нередко оставляли меня равнодушным, а мелочи, которым, казалось бы, не следовало придавать значения, были для меня особенно важны, - так и во время гражданской войны бои и убитые и раненые прошли для меня почти бесследно а запомнились навсегда только некоторые ощущения и мысли, часто очень далекие от обычных мыслей о войне (Гайто Газданов «Вечер у Клер»).

(161 слово. Точка с запятой в сложном предложении, обособление определений, обстоятельств, запятая между частями сложноподчинённого и сложносочинённых предложений, запятая при однородных членах).

Гайто Газданов (1903 - 1971) - талантливый писатель русского зарубежья, живший и творивший в Париже. «Вечер у Клер» - первый роман, принёсший ему известность в среде русской эмиграции. «Ночные дороги», «Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды» - лучшие романы писателя.

Ключи к текстам

Воистину лес был велик и громаден. И полон звуков, в которых можно было уловить то хлопанье крыльев, то шелест листы, журчанье ручья, зевок ветра, фыркание чутких ноздрей, шорох лап, хруст вспугнутых зарослей, капельки света, пролившиеся белым соком сквозь кряжистые руки крон, то ровный сон теней, то хрумканье маленьких острых зубов, а то и рёв почуявшего беду крупного зверя. Здесь пахло дождями и солнцем, сыростью с кровью, порой падалью и тревогой, но никогда – костром. А потому каждый выстрел, обжёгший порохом воздух, приводил этот стройный и девственный мир в смятение. Лес становился враждебным и отвечал неистовым шумом, то пронимавшей до мозга костей тишиной. Если бы не врождённое чувство упрямого и гордого противления всему, что сберегала для себя самой природа, человек острее бы ощущал нелепую подлость своего здесь присутствия. Не случайно, едва удавалось кого-нибудь подстрелить – в движениях его проступала постыдная спешка. Второпях он

комкал молитву, свеживал тушу и поскорее стремился выбраться к берегу, чтобы выйти из хмурых пределов им поруганного безмолвия.

Там, где смыкались ладонями две скалы над рекой, солнце готовило для себя короткий привал. Выскользнув из-за гор и зависнув в глубоком разрезе ущелья, оно подплывало к двойному острию почти соприкоснувшихся плит, напоминавших то ли завалившиеся надгробия, то ли расколотую пополам терпеливой суетой воды вершину. Нанизав свою призрачную плоть на два равных каменных выступа, солнце слепило в лицо буйным свечением, из-под которого постепенно на радужной оболочке глаз сквозь ажурную кромку разноцветной травы прорастало чёрное пятно круглого отражения. Оно оставалось тлеть на изнанке век ещё несколько влажных минут, пока отливает в тень эта дивная и чёткая симметрия, сложенная из безупречного яркого шара, обрызгавшего сотней бликов разгневанную воду под собой, и жёсткого холода каменных плит, внезапно спаянных - на миг – звенящей лавой света. Длилось это и впрямь какие-то мгновения, минуту, а может, меньше даже – несколько глотков вдруг настезь распахнувшегося, чистого, упругого и девственного времени, проникшего эхом в самое сердце и задышавшего в нём щедрой волной. Мир словно поднимал завесу над своей главной и простой, как это миг, загадкой: он был прекрасен, правилен и добр. Ради того, чтобы в том убедиться, стоило сюда идти полдня по турьей тропе, царапая руки в кровь и портя одежду, а потом, дождавшись и причастившись солнечной мудрости, уже на закате, спуститься к реке и устроиться на ночлег в полумраке неспелой луны и полушаге от звёзд, чтобы после, слушая нестрашную темноту, заснуть в полумысли от невозвращения – в себя самого и в грядущее утро, которое призовет обратно к тем, кого было так трудно понять и с кем было легче расстаться, чем поладить душой.

В старой легенде про Александра Македонского рассказывается, как он, завоевав восточную страну, велел в честь победы построить триумфальную арку и расписать её стены. Два художника, соревнуясь в мастерстве, приступили к работе. Когда она была завершена и сняли завесу, предстала удивительная картина: обе стороны арки были расписаны тончайшим кружевным узором, причём он в точности повторялся, несмотря на то что оба художника всё время были разделены надёжной перегородкой. Великий Александр разгадал тайну арки: один из умельцев так отшлифовал камень на своей стене, что превратил его в зеркальную поверхность, повторившую рисунок соперника.

Уцелев в который уж раз, остров сделался грязным пятном, бездомным бродягой, прикорнувшим на теле у времени, которое было рекой, а река становилась судьбой, посылая знамения. Люди слушали их, но ни как не могли разобрать содержания. Быть может, просто отвыкли жить повседневной борьбой в пограничье меж тем, что питает надежду, и тем, что её ежедневно стремится убить.

Оно и понятно: земля баловала их вот уже целых пять лет, а возможно, и дольше. Но точно, что пять лет назад подобной удачи никто из них не рискнул себе даже представить: год за годом их нивы исправно исходили колосьями, лес дарил им коренья, плоды диких груш, сладкий мёд из дупла, обилие дичи и мяса, а река – та снабжала их рыбой и прозрачной, лучистой водой, отражаясь в которой, небо делалось лавой бескрайнего света, чьи брызги ловила в себя говорливая песнь тишины. Теперь у них была мельница, было пастбище, была насыпь у берега, надёжная дамба, был длинный, прямой углами забор, ограждавший аул с трёх сторон, и был свой посредник – Туган, - превращавший избытки добра в скот, кругляши серебра и покупки. Только не было главного – ощущения того, что они день за днём беспокойно творят себе счастье, потому что в соседстве от них вызревала тревогой напасть, от которой покуда никто из них даже не думал, но которую чуял душой, как забытый уже, но отчётливый запах страдания, переложенного из сейчас на потом.

Из раннего моего детства я запомнил всего лишь одно событие. Мне было три года; мои родители вернулись на некоторое время в Петербург, из которого незадолго перед этим уехали; они должны были пробыть там очень немного, что-то недели две. Они остановились у бабушки, в большом ее доме на Кабинетской улице, том самом, где я родился. Окна квартиры, находившейся на четвертом этаже, выходили во двор. Помню, что я остался один в гостиной и кормил моего игрушечного зайца морковью, которую попросил у кухарки. Вдруг странные звуки, доносившиеся со двора, привлекли мое внимание. Они были похожи на тихое урчание, прерывавшееся изредка протяжным металлическим звоном, очень тонким и чистым. Я подошел к окну, но как я ни пытался подняться на цыпочках и что-нибудь увидеть, ничего не удавалось. Тогда я подкатил к окну большое кресло, взобрался на него и оттуда влез на подоконник. Как сейчас вижу пустынный двор внизу и двух пыльщиков; они поочередно двигались взад и вперед, как плохо сделанные металлические игрушки с механизмом. Иногда они останавливались, отдыхая; и тогда раздавался звон внезапно задержанной и задрожавшей пилы. Я смотрел на них как зачарованный и бессознательно сползал с окна. Вся верхняя часть моего тела

свешивалась во двор. Пильщики увидели меня; они остановились, подняв головы и глядя вверх, но не произнося ни слова. Был конец сентября; помню, что я вдруг почувствовал холодный воздух и у меня начали зябнуть кисти рук, не закрытые оттянувшимися назад руками. В это время в комнату вошла моя мать. Она тихонько приблизилась к окну, сняла меня, закрыла раму - и упала в обморок.

Тишина, солнце, деревья... Изредка слышно, как сыплется земля в овраге и трещат маленькие сухие ветки: это бежит кабан. Я засыпал на траве и просыпался с влажной спиной и желтым огнем перед глазами. Затем, оглядываясь на красное, заходящее солнце, я шел домой, в прохладные комнаты дедовской квартиры, и приходил как раз вовремя для того, чтобы увидеть пастуха в белой войлочной шляпе, гнавшего стадо с пастбища; и бодливые коровы деда, славящиеся злым нравом и хорошим удоем, мыча, входили в ворота скотного двора. Я знал, что сейчас к коровам бросятся телята, что работница будет отводить упрямые телячьи головы от вымени, и об белые донья ведер зазвенят упругие струи молока, и дед будет смотреть на это с галереи, выходящей во двор, постукивая палкой по полу; потом он задумается, точно вспоминая что-то. А вспомнить ему было что. Когда-то давным-давно он занимался тем, что угонял табуны лошадей у враждебных племен и продавал их. В те времена это считалось молодечеством; и подвиги таких людей были предметом самых единодушных похвал; все это происходило в тридцатых и сороковых годах прошлого столетия. Я помнил деда маленьким стариком, в черкеске, с золотым кинжалом. В девятьсот двенадцатом году ему исполнилось сто лет; но он был крепок и бодр, а старость сделала его добрым. Он умер на второй год войны, сев верхом на необъезженную английскую трехлетку своего сына, старшего брата моего отца; но несравненное искусство верховой езды, которым он славился много десятков лет, изменило ему. Он упал с лошади, ударился об острый край котла, валявшегося на земле, и через несколько часов умер. Он знал и помнил очень многое, но не обо всем рассказывал; и только со слов других стариков, младших его товарищей, я мог составить себе представление о том, что дед был умен и хитер, как змея, - так говорили простодушные выходцы из середины девятнадцатого столетия. Хитрость деда заключалась в том, что после прихода русских на Кавказ он оставил навсегда в покое табуны и зажил мирной жизнью, которой никак нельзя было ожидать от этого неукротимого человека.

И, прожив у деда месяц или полтора, я уезжал в Кисловодск, который очень любил, - единственный провинциальный город со столичными привычками и столичной внешностью. Я любил его дачи, возвышающиеся над улицами, его игрушечный парк, зеленую виноградную галерею, ведущую из вокзала в город, шум шагов по гравию курзала и беспечных людей, которые съезжались туда со всех концов России. Но начиная с первых лет войны Кисловодск был уже наводнен разорившимися дамами, прогоревшими артистами и молодыми людьми из Москвы и Петербурга; эти молодые люди ездили верхом на наемных лошадях и отчаянно трясли локтями, точно кто-то подталкивал их под руку. В Кисловодске я пил нарзан, разбавленный сиропом, ходил по парку и взбирался в гору к маленькому белому зданию с колоннами, которое стояло высоко над городом; оно называлось "Храм воздуха". Я не знал, кому принадлежало это претенциозное название, достойное уездного поэта с длинными волосами и тремя классами высшего начального училища в прошлом. Но я любил подниматься туда: там ветер, как воздушная река, журчал и струился между колоннами. Белые стены были покрыты надписями, в которых изощрялись российская безнадежная любовь и тщеславное стремление увековечить свое имя. Я любил красные камни на горе, любил даже "Замок коварства и любви", где был ресторан, а в ресторане прекрасные форели. Я любил красный песок кисловодских аллей и белых красавиц курзала, северных женщин с багровыми белками кроличьих глаз. Я проходил в парке мимо того пустычного утеса на Ольховке, где постоянно дежурил фотограф, который снимал дам и барышень, стоящих над падающей водяной стеной; эти снимки я видел везде, в самых глухих углах России.

Тот Кисловодск, который я видел в детстве, остался в моей памяти белым зданием с чувствительными надписями. Но вот по вечерам уже начинало делаться чуть-чуть прохладно; ранней осенью я возвращался домой, чтобы опять погрузиться в ту холодную и спокойную жизнь, которая в моем представлении неразрывно связана с хрустящим снегом, тишиной в комнатах, мягкими коврами и глубочайшими диванами, стоявшими в гостиной. Дома я точно переселялся в какую-то иную страну, где нужно было жить не так, как всюду. Я любил вечерами сидеть в своей комнате с незажженным светом; с улицы розовое ночное пламя фонарей доходило до моего окна мягкими отблесками. И кресло было мягкое и удобное; и внизу, в квартире доктора, жившего под нами, медленно и неуверенно играло пианино. Мне казалось, что я плыву по морю и белая, как снег, пена волн колыхается перед моими глазами. И когда я стал вспоминать об этом времени, я подумал, что в моей жизни не было отрочества. Я всегда искал общества старших и

двенадцати лет всячески стремился, вопреки очевидности, казаться взрослым. Тринадцати лет я изучал "Трактат о человеческом разуме" Юма и добровольно прошел историю философии, которую нашел в нашем книжном шкафу. Это чтение навсегда вселило в меня привычку критического отношения ко всему, которая заменяла мне недостаточную быстроту восприятия и неотзывчивость на внешние события. Чувства мои не могли поспеть за разумом. Внезапная любовь к переменам, находившая на меня припадками, влекла меня прочь из дому; и одно время я начал рано уходить, поздно возвращаться и бывал в обществе подозрительных людей, партнеров по бильярдной игре, к которой я пристрастился в тринадцать с половиной лет, за несколько недель до революции.

Вечером я прощался с матерью. Мой отъезд был для нее ударом. Она просила меня остаться; и нужна была вся жестокость моих шестнадцати лет, чтобы оставить мать одну и идти воевать - без убеждения, без энтузиазма, исключительно из желания вдруг увидеть и понять на войне такие новые вещи, которые, быть может, переродят меня...[]

Она стояла у двери в переднюю и молча смотрела на меня, медленно открывая и закрывая глаза, как человек, который приходит в себя после обморока. Я взял в руки чемодан; одна застежка его зацепилась за полу моего пальто, и, видя, что я не могу ее отцепить, мать вдруг улыбнулась: и это было так неожиданно - потому что она редко улыбалась, даже тогда, когда другие смеялись, и, конечно, зацепившаяся пола пальто никогда бы не могла рассмешить ее - и столько в этой улыбке было разных чувств - и сожаления, и сознания невозможности устранить мой отъезд, и мысль об одиночестве, и воспоминание о смерти отца и сестер, и стыд перед подступающими слезами, и любовь ко мне, и вся та долгая жизнь, которая связывала мать со мной от моего рождения до этого дня, что Екатерина Генриховна Воронина, присутствовавшая при нашем прощании, вдруг закрыла лицо руками и заплакала. Когда, наконец, за мной закрылась дверь и я подумал, что, может быть, никогда больше не войду в нее и мать не перекрестит меня, как только что перекрестила, - я хотел вернуться домой и никуда не ехать. Но было слишком поздно, та минута, в которую я мог это сделать, уже прошла; я был уже на улице, - я вышел на улицу, и все, что было до сих пор в моей жизни, осталось позади меня и продолжало существовать без меня; мне уже не оставалось там места - и я точно исчез для самого себя.

Много времени спустя я вспомнил еще, что в тот вечер шел снег, засыпая улицы. А через два дня путешествия я был уже в Синельникове, где стоял бронированный поезд "Дым", на который я был принят в качестве солдата артиллерийской команды. Был конец тысяча девятьсот девятнадцатого года; с той зимы я перестал быть гимназистом Соседовым, перешедшим в седьмой класс, перестал читать книги, ходить на лыжах, делать гимнастику, ездить в Кисловодск и видеть Клэр; и все, что я делал до сих пор, стало для меня только видением памяти. Впрочем, и в эту новую жизнь я принес с собой давние мои привычки и странности; и подобно тому, как дома и в гимназии значительные события нередко оставляли меня равнодушным, а мелочи, которым, казалось бы, не следовало придавать значения, были для меня особенно важны, - так и во время гражданской войны бои и убитые и раненые прошли для меня почти бесследно, а запомнились навсегда только некоторые ощущения и мысли, часто очень далекие от обычных мыслей о войне.

